

ДМИТРИЙ
ПЕРМЯКОВ

БАШНЯ
БАТЛИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Пермяков Башня Батлина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43610495

SelfPub; 2019

Аннотация

История повествует о страшном серийном убийце по прозвищу Смотрящий и его предшественнике Шорохе. В оформлении обложки использовались фото из личного архива автора. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Минута, другая,
Иголка и нить,
И больше глаза ты не сможешь открыть.
Смотрящий уже
Притаился и ждёт,
Когда в Башне Батлин
Семейство уснёт.

Детская считалочка.

Осенью, в конце октября, в городе Неллин, что находится восточней административного центра Холмтау, появился маньяк.

«И откуда они берутся?!» досадливо воскликнул майор Ребров, «Из какой норы вылезают?! Не бывает же такого, что сидит человек дома, смотрит телевизор, а потом вдруг Бац и решает, что ему нестерпимо хочется убивать! Самым изощрённым способом».

Первые фотографии обезображенных трупов, напечатанные в местной газете, повергали в шок всё читающее население. В редакцию «Сегодня Неллин», которую возглавлял тучный и импульсивный Сава Кропотчук, посыпались кучи писем с просьбой хоть как-то редактировать снимки. Некоторые горожане после ознакомления со статьёй стали плохо спать, не говоря уже о детях, которым красочные фото просто могли попасться на глаза. Кропотчук заверил, что лично

будет контролировать количество крови на страницах своей газеты. Обещания он не сдержал.

«Только вот мы отошли от шока, после дела о Вячеславе Котове...» жаловался майор Ребров другу, сидя с ним в кафе за кружкой пива «Как этого извращенца принесло. Мёдом что ли здесь намазано»

Вячеслав Котов, которому газетчики дали жуткое прозвище Шорох, навёл ужас на жителей Неллина два года назад. Вышедший на свободу из психиатрической лечебницы Сумы, после трёхлетнего заключения, он долгое время не показывался на людях, ведя затворнический образ жизни. А потом на заброшенной железнодорожной станции в южной части города подростки обнаружили леденящую кровь инсталляцию из пяти тел. Вячеслав, имевший образование инженера, соорудил некое подобие маятника Фуко. Вместо груза он использовал мёртвые тела своих жертв, подвесив их за ноги и придав вращение при помощи хитроумного прибора из заведённых пружин, шестерёнок и спускового механизма. Свисающие руки убитых доставали до пола и при движении по круговой траектории издавали специфичный шорох, словно кто-то водил комком смятой бумаги по асфальту. Позже Вячеслав признался, что этот звук успокаивал голоса демонов в голове, которые часто одолевали его своими разговорами. Механизм позволял пяти телам непрерывно совершать круговые движения в течение двух суток, потом Котову приходилось снова заводить пружину. В целом он провёл в компа-

нии жертв больше двух недель, наслаждаясь видом жуткого маятника и успокаивающими звуками непрерывного шороха.

«Котова мы взяли тогда без шума и пыли» промолвил Ребров, опустошая уж четвёртую кружку пива «Подростки хоть и были шокированы видом карусели из мертвецов, но сообразили сразу удрать и прибежать к нам в участок. Мы выехали на место и обнаружили Славика, сидящего в кресле и пускающего слюни от счастья. Там и повязали. Он даже не сопротивлялся»

Старый друг Реброва, Никодим Савушкин, сидевший напротив, спросил, сколько ему дали, Котову-Шороху. К своему пиву он едва притронулся, встретившись с Ребровым только потому, что майору надо было выговориться.

«Пожизненное содержание в психиатрической лечебнице Сумы. Блок Е. Самый охраняемый объект на территории. Там только смертники сидят. Оттуда только одна дорога к выходу. На кладбище»

«А до этого Котова за что держали в психушке?»

«Не помню. Вроде за эксгибиционизм. У него вся семья была с прибабахом. Отец алкаш, мать кататоничка, бабка безумная пророчица. Когда все померли, он совсем с катушек съехал, начал голым ходить, изобретать что-то там, ну и посчитали, что самое место ему в лечебнице. Отпустили за хорошее поведение. Он так-то тихий...»

Ребров бросил брезгливый взгляд на газету, развёрнутую

перед ним на столе. Страницы пестрели фотографиями обезображенных трупов. Трёх. Пока только трёх. Он смял её и зло прошипел «Каким же выродком надо быть, чтоб делать такое»

Савушкин отвернулся.

– Как говоришь, прозвали его газетчики? – спросил он, смотря в окно за которым серел вечер и капал мелкий дождь. – Смотрящий?

– Да. Смотрящий. Прилепилось прозвище, как и Котову в своё время кличка Шорох. Любят они жуткие прозвища давать этим извергам. Как будто без этого мы боимся их меньше.

Началось всё с обнаружения трёх тел на окраине Ленского леса. Группа старшеклассников с классным руководителем выбралась в морозное утро прогуляться вдоль лесополосы, собрать материала для осенних подделок в школе. Дальше восточной опушки они не ушли, привлечённые истеричными криками одной из девочек, которая отбилась от группы и углубилась метров на сто вглубь леса. Картина действительно могла повергнуть в шок взрослого человека, не говоря уже о четырнадцатилетней девочке. Когда школьники сбежались на крик, то увидели три обнажённых тела, прибитые гвоздями, одно над другим, к стволу большого дерева. Первое, самое нижнее тело, принадлежало егерю Павлу, который жил в избушке, за пять километров от города, почти

у самой кромки Ленской чащи, что подходила к Неллину с северной стороны. Его часто можно было видеть бродящего по лесу в одиночестве, с мелкокалиберной винтовкой за плечом. Второй и третьей жертвой были сёстры Осиповы. Бездомные, спившиеся женщины сорокалетнего возраста, проживали в районе городской свалки, там же ночевали в полуразрушенных бараках, оставшиеся от строительных бригад железной дороги Петра, подрабатывали проституцией, сдавали металл, картон и пустые бутылки.

«Почему Смотрящий?!» возмутился Ребров, когда ему с утра дали прочитать статью о тройном убийстве в лесу.

«Это из-за глаза что ли? Почему тогда не Глазастик? Или Слепошарик?! Дайте мне номер телефона этого писаки Кропотчука, я ему скажу пару ласковых! Если уж и давать прозвища маньякам, то пусть это будут стёбные клички! Смешные! Народ хохотать должен над ними, а не дрожать при одном только упоминании! Ведь только это убийце и надо! Держать в страхе весь город! Не позволю!»

Но прозвище уже прочно укоренилось среди местных. Смотрящий.

Через четыре дня после обнаружения тел в лесу, в кювете, недалеко от заправочной станции «Зико» что стоит на трассе М-12 ведущей в Тенебрис, двое рабочих обнаружили труп почтальонши Александры Трофимовой. Строители занимались укладкой теплоизолирующего настила на теплотрассу,

подготовка к зимнему сезону была в самом разгаре, и решили складировать привезённые тюки с минватой под дорогой. Дождей в ближайшее время по прогнозам не ожидалось и рабочие подумали, зачем таскать материал от крытого склада в километре от места прокладки, когда можно свалить его в кювет, замаскировать от любопытных глаз и за день два весь израсходовать. Тюков с минватой они перенесли к месту работы ровно два. Потом увидели голый и обезображенный труп пятидесятилетней Александры и убежали.

– Южане... – недовольно проворчал Ребров, просматривая отчёты допроса рабочих. – Понаехали блин... Почему так непонятно написано? Вы что их накурили перед допросом? – возмутился майор, обращаясь к следователю Кудряшову. – Что это за слово?

– Не русские они, – пояснил тощий Кудряшов. – Приехали откуда-то с Таджикистана, или Узбекистана, или Уганды, не знаю. Плохо по-нашему говорят, поэтому записывали со слов переводчика. У них в бригаде рабочих только один толмач, более менее русский знает, он и переводил. Отсюда и исковерканные фразы...

– В целом что говорят? Видели кого?

– Вроде никого. Глаза свои таращат, в лес пальцем тычут и всё повторяют вот это слово «Шедим».

– И что оно значит?

– А хер их знает. Переводчик отказался говорить. Может то, что им страшно?

Ещё четыре дня спустя, на берегу озера Есле, в машине обнаружили тело парня лет девятнадцати, а чуть подалее в кустах обнажённую девушку. Подростки, по-видимому, решились уединиться в лесу для любовных утех. Экспертиза показала, что перед смертью они кое-что да успели. И всё тот же леденящий душу почерк убийцы, который и разжигал в сердцах людей кошмарный образ самого настоящего психопата. Не человека, а зверя. Смотрящий продолжал охоту.

Прошло семнадцать дней, прежде чем маньяк снова заявил о себе. Шестнадцатого ноября, соседка бабы Вари нашла пожилую женщину у себя в сарае, задушенную капроновым шнуром. С автографом Смотрящего на теле.

Город пропитала всеобщая атмосфера страха.

– Что мы имеем? – хмуро спросил Ребров не столько у сотрудников, собравшихся у него в кабинете, а сколько у себя самого. – А имеем мы чуть меньше чем ни хрена. Ни зацепок, ни отпечатков, ни грёбаного клочка шерсти с этого ублюдка для экспертизы.

В полутёмном кабинете собралось шестеро человек. Следователи с годами опыта за плечами и десятками раскрытых дел. И у всех растерянное выражение на лице. Сидят понурые вокруг стола, пряча взгляд и нервно покручивая шариковые ручки в пальцах.

Ребров поморщился, нехотя достал из ящика стола папку

с фотографиями и разложил их перед собой.

– Пиздец... – только и сказал он, смотря на снимки, но взгляда не отвел, хотя хотел. – Как он сам с собой живёт? Что ему снится? Как он вообще может садиться за стол и кушать после этого?

Майор поднял тяжёлый, смертельно испуганный взгляд на подчиненных выискивая ответа, но не нашёл. Все молчали.

– Глебушка, – чуть ли не жалобно обратился Ребров к худому и сутулому Кудряшову. – Голова моя светлая в этом мраке тупизма, хоть ты скажи что-нибудь.

Кудряшов, которого все за глаза называли Кишкой за невероятную худобу и сутулость, неопределённо мотнул головой и раскрыл перед собой жиденькую папочку. Прокашлялся.

– Никита Сергеевич, – начал он. – Я нового ничего не привнесу в расследование, но кое-какую работу я всё же сделал.

Ребров, не мигая, смотрел на мужчину. Его левый желвак задвигался, явный признак нарастающей ярости.

– Вместе с коллегами я попытался составить психологический портрет убийцы и вот до чего дошёл...

– На хуй, – резко оборвал его Ребров. – Садись. Какой к хренам психологический портрет?! Эта тварюга ходит среди нас вы понимаете это?! Среди нас! Он смеётся над нами, подначивает, он хочет, чтоб мы его поймали! Рисунки на телах это подсказки! Вы чего, фильмов про психопатов не смотрели?!

– Мы уже перебрали все варианты, как могут нам помочь эти... глаза, – поднял руку лейтенант Варданян. – Мне кажется, это вроде его визитной карточки. Чтоб мы случайно его жертв не перепутали с другими, умершими по иным обстоятельствам.

– А следов насилия так и не было обнаружено? – спросил моложавый Лисицын. Он перевёлся с Холмтауского отделения совсем недавно по причине женитьбы и переезда в Неллин, и всё время отставал в плане информированности текущих дел. – Это странно. Обычно маньяки убивают ведомые либо сексуальны аспектом, либо... – он неловко махнул рукой, и из папки перед ним внезапно выпало несколько клочков бумаги, которые он торопливо попытался сгрести обратно.

Палец майора резко пригвоздил к столу один листок. Это оказалась газетная вырезка.

– Что это? – спросил он.

– Это... из газет, – пробормотал смущённый Лисицын.

– Я вижу, что не ранний Рембрандт. – Шериф поднял листок и, шевеля губами, прочитал написанное. Скривился. Потом прочитал вслух.

Вот шорох раздался
Страшнее, чем вой,
Значит уже он пришёл за тобой,
Подвесил и слушает,

Злостью дыша,
Как смерть подступает,
Чуть слышно шурша...

Некоторое время все молчали

– Кто автор сего опуса? – еле сдерживая ярость, спросил Ребров. – Это же про Котова стишок так? Про Шороха. Маньяка, которого я упёк два года назад.

– Дети сочиняют... – пробормотал в край смущённый Лищин. – Что-то вроде считалочки. Я собираю... вдруг пригодится...

– Для чего, блять, тебе это пригодится?! – расвирепел майор. – Детям на ночь колыбельную петь?! Давайте подытоживать то, что есть и двигаться дальше! Работаем!

Итоги текущего времени выглядели страшными и угрожающими. Жуткие особенности убийств Смотрящего вводили в ступор самого хладнокровного человека. Рисунки, которые он оставлял либо на самом теле жертв, либо на бумаге, рядом с телом. И сшитые нитками веки.

– Около первых трёх жертв, а конкретно на теле егеря Павла, был приколот листок с надписью «Я рядом... вы меня видите». – Произнёс Кудряшов, демонстрируя коллегам мерзкую фотографию, которую и так все видели. – Прибитый стальным штырём в районе солнечного сплетения листок формата А4. Рисунок изображает закрытый глаз. На-

рисовано умело, не второпях, гуашью. Значит, убийца заранее готовился. – Кудряшов сменил слайд, и во весь экран предстало опухшее, посиневшее лицо старика. Аккуратными стежками веки пронизывала суровая нить, плотно их стягивая. Запёкшаяся кровь тонкими струйками чернела на щеках.

– Очень мило, Глебушка, с подростками что? – костяшкой пальца Ребров ожесточённо тёр глаз. В него попал дым от сигареты.

– На животе голой девушки и груди парня, убийца нарисовал всё по тому же закрытому глазу. Рисовал чёрным маркером, старательно и даже подштриховал веки. Чуть ниже видим всё ту же фразу «...Я рядом...». Глаза у обоих сшиты, почерк очевиден.

Новый элемент в «творчестве» Смотрящего проявился после убийства старой Варвары. Закрытый глаз был нарисован краской во всю стену, а рядом смазанный человеческий силуэт. Надпись гласила «Я рядом... Вы меня увидите...»

Ребров устало потёр лицо и выдохнул.

– Комендантский час...

Не смотря на то, что погода не по осени стояла хорошей и тёплой, прогуливающих горожан на улицах наблюдалось крайне мало. Парки опустели, детские площадки заносило листвой, люди ходили по трое четверо, чувствуя себя в безопасности только в многолюдных торговых центрах или супермаркетах. Смотрящий держал весь город в страхе.

Многочисленные опросы всех и вся ничего не дали. Самая тщательная экспертиза пасовала, Смотрящий казался эфемерным духом, нежели живым организмом. Пустели бары, кафе и клубы. Добровольная бригада патрульных из местных мужчин разбежалась в первую же ночь при «подозрительном шуме в кустах». Прошла ещё неделя, наполненная ужасом и подозрениями друг к другу. Смотрящий мог быть чьим угодно соседом.

Выпал первый снег. Ребров и его команда не продвинулись в расследовании вперёд, ни на миллиметр, что приводило всех ещё в больший трепет. Родители боялись отпускать детей в школу, предполагая, что маньяк может скрываться среди учителей. Вспомнили Чикатило. А двадцать восьмого числа Смотрящий убил ещё одну девушку. Всё те же аккуратно сшитые веки и фраза «Я рядом».

– Какую наблюдаем систему? – спросил Ребров, смотря отчёт по последнему нападению. – Все убитые никаким образом не связаны друг с другом.

– Выбирает по принципу удалённости жилья и местонахождения. – Ответил Лисицин, помешивая ложечкой чай в бокале. – Егерь жил в хибаре за чертой города, сёстры Осиповы в бараке в районе свалки, парочку подростков он подстерёг у озера, дом бабки Вари тоже на отшибе. Все места удалённые и малолюдные. В городе он не появлялся ни разу.

– Типун тебе на язык.

Кудряшов вскинулся, схватил маркер и подошёл к карте города, висящей на стене. Быстро нарисовав на ней семь жирных точек в разных местах, он сделал шаг назад и любовался сделанным. Места убийств окружили Неллин неровной окружностью.

– Если он нападёт снова... – начал он.

– Что значит ЕСЛИ?! – вскипел Ребров. – Ты дурак что ли?! Естественно он нападёт! Такие как он не останавливаются. Или ты думаешь, что он посидит дома, подумает, и решит, что хватит с него. Соберёт вещички и уедет в свою деревеньку Маньячкино, или где там живут подобные пидары. – Майор выдохнул и с тоской посмотрел в окно, где мелкими хлопучками летел снег. – Наша задача понять, где он нанесёт следующий удар.

– Я бы поставил либо на Башню Батлин, либо на хутор Престенка. Два удалённых жилья во всей округе. – Сказал белобрысый следователь Шабин. Молчаливый, но усердный работник. – Обе семьи, проживающие в данных местах, оповещены и предупреждены.

– В Престенку я отправил дежурить двух парней. – Отозвался Лисицын. – Визанские из Башни наотрез отказались, чтоб у них дома околачивались наши ребята. Мол, детей напугаем, да и её муж-писатель нервничает из-за посторонних людей. Возражения отмелись, сославшись на хорошую охранную систему дома. Но я... – он странно замолчал.

– Ты что? – медленно спросил его Ребров.

– Мне кажется, Смотрящий нападёт всё таки на Башню. Если осмелится, конечно.

– И что заставило тебя так думать? – ещё более медленней спросил майор, двигая желваками.

Покрасневший Лисицин достал из папки газетную вырезку и протянул Реброву.

– Как и в прошлый раз, детки сочинили жуткую считалочку, а местный журналюга в своей статейке её напечатал.

Майор взял листок, прочитал, и лицо его посерело.

Минута, другая,

Иголка и нить,

И больше глаза ты не сможешь открыть.

Смотрящий уже

Притаился и ждёт,

Когда в Башне Батлин

Семейство уснёт.

– Что мы знаем вообще о семье Визанских? И Башне Батлин? – Ребров листал старую подшивку с пожелтевшими листами бумаги, которые готовы были рассыпаться в его руках.

– Расположено на северо-востоке от города, километрах в пятидесяти, – Кудряшов в это утро выглядел уставшим и не выспавшимся. – Поместье довольно обширное, с трёх сторон окружённое болотами. Обнесено высокой стеной, которая находится под охраной, я звонил в фирму, которая монтировала Визанским охранную сигнализацию, там всё серьёзно.

В город ведёт только одна дорога. Короче пробраться к ним на участок незамеченным будет весьма трудно.

– Но возможно?

Кудряшов пожал плечами и зевнул.

– В девятнадцатом век сюда перебрался некто Серафим Николаевич Батлин, – проговорил вдруг лейтенант Варданын. Он сидел над потрёпанным томиком летописей Неллина, который взял в библиотеке. – Титулованная особа, кстати, барин или может граф какой. Ему пожаловали земли в Ленских топях, рядом с будущей железнодорожной станцией Петра. Тогда Неллин ещё представлял собой кучу хибарок, жмущихся к лесу, и жили здесь в основном дровосеки. Этот Серафим Батлин привнёс в строительство города весомый вклад, а некоторое время считался даже управителем.

– Безумно интересно, – саркастически проворчал Ребров и закрыл свою ветхую папочку. – Чем нам это помочь может?

Варданын всплеснул руками.

– Просто интересно. Особенно эта башня его, в честь которой и было названо поместье.

– Башня как башня, – раздражённо отозвался Кудряшов. – Видел я её. Раньше служила как сторожевая или наблюдательная вышка, потом как водонапорная. Сейчас не знаю, подо что её Визанские приспособили.

– Достопримечательность, – улыбнулся Варданын. – Можно сказать историческая...

– Когда Визанские заселились туда? – перебил их Реб-

ров. – И кто-нибудь что-нибудь знает про эту семью? Кроме основных сведений. Отшельники какие то...

Шабин, который сидел в углу с бокалом чая, поднял руку.

– У меня жена немного сдружилась с Анной Визанской. Постоянно вместе ездят по магазинам.

– Почему их в городе редко видят?

– Ну... – Костя покачал головой. – Вадим Визанский какой-то знаменитый писатель или вроде того. Любит затворнический образ жизни, они поэтому и переехали в округ БТ-2, сюда в Неллин. Подальше от больших городов, суеты и людей. Пишет очередной бестселлер. У них две маленькие дочки лет по семь, Настя и Олеся. Я их видел разок, милые девчушки.

– А что, – вставил Кудряшов. – Я бы тоже не отказался жить в таком поместье. Лес, озеро, природа, экологически чистая зона, тишина, благодать. Раз в месяц выбраться за продуктами в город, сходить в кино или клуб и обратно в царство неги и покоя. Чем не жизнь.

– Этот Вадим вообще нормальный? – вдруг спросил Ребров. – А то писатели имеют склонность ко всяким... странностям.

Шабин посмотрел на Кудряшова, тот на него.

– По телефону голос казался вполне адекватным, – ответил Глеб. – На новость о Смотрящем отреагировал серьёзно, пообещал смотреть в оба и тщательно проверять охранную систему.

– Ты им позванивай, – устало пробормотал Ребров, обращаясь к Кудряшову. – Не заметят ли что.

Глеб кивнул.

– Каждый день. – Уточнил Шериф.

Первого декабря в южной оконечности городского парка нашли молодую девушку с пробитой головой. Она выгуливала свою собаку, мелкого тойтерьера, когда на неё напали. Визгливый лай кобелька по кличке Пятачок перебудил всю округу.

«Смотрящий» «Опять он!» «Изверг»

Раздавались шепотки и гул в набежавшей толпе. Не смотря на то, что взбудораженные жители сбежались довольно быстро, маньяк успел закончить своё кровавое художество. Аккуратно сшил веки нитками и чёрной краской на обнажённом животе девушки нарисовал всё тот же закрытый глаз. Лист бумаги с надписью «Я рядом...» он прибил гвоздём прямо посередине её лба.

А уже второго декабря город облетела очередная страшная новость. В поместье Батлин произошло массовое убийство.

Рано утром в полицейский участок позвонил Вадим Визанский и срывающимся голосом сообщил о том, что ночью в их дом пробрался неизвестный и убил сначала двух его дочек, а потом и жену. Дежурный не смог удержать в себе такую сногшибательную новость и позвонил жене. Вскоре уже

о подробностях нападения знал весь город.

Вадим, допоздна засидевшись в кабинете за работой, услышал шум и пошёл посмотреть, что там происходит. Открыв дверь в спальне, он увидел, как некто душил Аню в её постели. Схватив первое, что попало под руку, это оказалась массивная кочерга, Вадим ударил убийцу по голове. Удар был настолько силен, что убийца скончался на месте.

Через полчаса после звонка Визанского в участок, Ребров со своей бригадой и каретой скорой помощи подъезжали к Башне Батлин. Старинный, каменный особняк в викторианском стиле. К левому фронту дома лепилась причудливая башенка высотой метров пятнадцать и крышей, напоминающей тюрбан индийского факира. Лейтенант Варданян украдкой от Реброва сделал снимок на свой фотоаппарат.

Когда майор через распахнутую дверь зашёл в просторный холл, он увидел Визанского. Вадим сидел на диване с застывшим взглядом и безуспешно пытался вытянуть из потухшей сигареты дым. У него был шок. Ребров распорядился вколоть ему что-нибудь успокоительное. Истерики сейчас были бы не к месту. Санитары и врачи окружили полуживого мужчину на диване.

Спальня девочек, дочерей Вадима и Анны, находилась на втором этаже. Ребров пошёл туда первым делом, а потом долго стоял, засунув руки в карманы плаща напротив стены, и смотрел на нарисованный закрытый глаз. Во всю стену. Над кроватью одной из малышек. Нарисован глаз был кро-

вью.

– Это что-то новенькое. – Пробормотал он. – Раньше он кровью не рисовал.

– Кровь одной из девочек. – Сказал медик и указал на распоротое горло лежащего на кровати маленького тела. – Он разрезал ей сонную артерию, а вместо кисточки использовал клочок её же волос, выданный, судя по всему, во время неравной борьбы. Видите?

Ребров рассеяно покачал головой и вышел из комнаты. Сновали эксперты, сверкали вспышки фотоаппаратов. Девочек положили в чёрные мешки и начали рассыпать опилки. Крови вокруг было много.

Аня, супруга Вадима, не выжила. По-видимому, когда Визанский зашёл в комнату, Смотрящий уже заканчивал своё страшное дело и собирался что-нибудь написать или нарисовать. Удар кочергой по темени и теперь тело страшного серийного убийцы лежало на полу спальни в позе эмбриона, головой в луже чёрной крови. Собственной крови.

Ребров стоял рядом, когда тело маньяка перевернули и уложили на носилки. Все, кто был рядом, с интересом смотрели на него. Высокий, крепкий телом, с густой каштановой шевелюрой. Лицо многим показалось смутно знакомым.

– А это не Сбитнев случайно? – спросил Кудряшов, наклоняясь к лицу покойного. – На почте одно время работал.

– Сбитнев в следственном изоляторе уже месяца три сидит, – ответил Ребров, внимательно смотря на человека, дер-

жащего в страхе целый город. – Этого я точно не помню в лицо. Но скоро выясним кто он такой. Пошли, поговорим с Визанским.

Вадим, бледный как смерть, сидел на прежнем месте с потухшей сигаретой в пальцах и бормотал.

– Аня... Настя... Олеся...

– Господин Визанский, – Позвал его майор. – Вадим?

Тот непонимающим, пустым взглядом посмотрел на Реброва.

– Можете ещё раз подробно рассказать, как всё произошло? Нам важна каждая мелочь.

Ребров осторожно сел на диван рядом с Визанским и раскрыл блокнот. Вадим несколько секунд смотрел на потухшую сигарету в своей руке, потом глубоко вздохнул.

– Я работал над своей рукописью, у себя в кабинете, когда услышал шум наверху. – Начал он с интонацией человека приговорённого к смерти. – Станный шум, как будто кто-то дрался. Я поднялся в спальню, нашу с Аней, зашёл и увидел... – Подошедший следователь Костя Шабин быстро протоколировал сказанное, – ...и вот он упал. Я думал, что всего лишь оглушил его, а, оказалось... там было много крови...

Голос Вадима задрожал и он, выронив сигарету, закрыл лицо руками. Майор Ребров положил ему руку на плечо.

– Успокойтесь Вадим. Больше Смотрящий не причинит никому вреда.

Мимо них к выходу проследовали санитары с носилками,

на которых лежали чёрные мешки. Вадим взглядом, полным боли, проводил их, потом тихо заплакал. Из дома выходили фотографы, эксперты-криминалисты и следователи. Работа на сегодня была закончена.

– Я понимаю, будет трудно, – спокойным голосом сказал Ребров Вадиму – но вынужден вас попросить в среду явиться в участок для дачи показаний. Не волнуйтесь, вам ничего не грозит, это убийство всего лишь средство самообороны.

Визанского сотрясали рыдания. Все вышли из дома и начали рассаживаться по машинам. Вскоре колонна из автомобилей тронулась по дороге к городу. Вадим, стоявший на пороге дома, проводил их мёртвым взглядом, а потом сел на землю и уткнулся лицом себе в колени.

Сидя на переднем сидении возглавляющей машины, Ребров в полголоса сетовал следователю Шабину за рулём, что многочисленные убийства Смотрящего можно было сократить.

– Погибло много людей, – печально сказал он. – А позже, когда шум вокруг его поимки, то есть убийстве, утихнет, с нас станут спрашивать... Тот же Вадим Визанский... я ему от души сочувствую, конечно, потерять всю семью за одну ночь, но...

Он замолчал и с тревогой посмотрел на молодого следователя Костю. Тот, вцепившись в руль, судя по нахмуренным бровям, напряжённо о чём то думал. Или вспоминал.

– Ты чего, Костя? Чего чело хмуришь? – Спросил Ребров, чувствуя себя немного неуютно. – Мы должны облегчённо выдохнуть. Теперь уже. Мир избавился от страшного маньяка.

– Не выдыхается, – бросил ему в ответ Шабин. – Не идёт из головы одна штука... маленькая деталь, крупица сомнений или...

– Или что?

– Забыл! – досадливо ударил рукой по рулю Костя. – Жена говорила, а я забыл.

– И при чём тут твоя жена? – раздражённо спросил майор, пытаясь прикурить. Машина виляла на трассе, обгоняя медленно едущие фуры. – Я вроде говорил, что обсуждение дел с близкими и родственниками не...

– Не про это речь, – перебил Шабин и невидяще уставился перед собой, вспоминая что-то. – Я говорил, что моя жена была немного знакома с Аней Визанской, ну знаешь, как бывает, в супермаркете поболтать, на площадке кофе попить, пока дети играют... – он замолчал.

– Да родишь ты уже, нет?! – вышел из себя Ребров.

– Как то моя жена спросила Аню, почему Вадима никогда не видят в городе... – медленно, словно в трансе проговорил Костя. – А она...

Глаза Шабина внезапно расширились и стали дикими и страшными. Резко ударив по тормозам, он чуть ли не на ходу выпрыгнул из машины. Ребров, ударившись лицом об па-

нель, выругался и выскочил следом. Костя стоял на трассе и махал руками машине скорой помощи, останавливая её.

– Ты чего творишь, а?!?! – Закричал Ребров, но Шабин его не слушал. Заскрипели тормоза и карета остановилась.

– Вытащите тело Смотрящего! – Кричал Костя. С его лица не сходило перепуганное насмерть выражение.

Санитары, перепуганные не меньше него, быстро выкатили тележку с чёрным мешком.

– Аня говорила, что её муж Вадим не покидает поместья, потому что... – Костя расстегнул молнию мешка и оттянул веки покойника, -...он был от рождения слеп.

Глаза трупа были затянуты бельмом.

– Хуя се... – Проблеял шокированный Ребров осипшим голосом. – Но ведь тогда... там в доме...

На полной скорости все полицейские машины поехали обратно.

Дом был пуст. Только на двери маркером был нарисован открытый глаз и надпись

«Вы меня видели».

Вместо эпилога

Майор Ребров угрюмо отхлёбывал пиво, пока мужчина, сидящий напротив него за столом в кафе, листал страницы в подшитой папке.

– Вася Скрипач, Шорох, Смотрящий, – со смешком пе-

речислил мужчина. Его слегка вытянутое лицо под шапкой курчавых волос источало какое-то безумное веселье. – За последние десять лет в этом районе сменилось три страшных маньяка. Не слишком ли это много, Ребров?

Тот раздражённо отмахнулся.

– Нормально. Пока. Ещё одним больше и ничего не изменится. Потом можно будет менять угодыя.

– Один?

– Один. – Утвердительно кивнул Ребров. – Надо только подождать пару лет...

Мужчина отложил папку, и чуть наклонившись к майору, спросил.

– Кто сыграл роль Смотрящего? Там всё чисто?

Ребров, допивая пиво, видимо витал мыслями в облаках и не понял вопроса. Мужчина раздражённо скривил губу.

– Вместо Скрипача ты подстрелил какого-то бродягу, с Шорохом тоже неплохо получилось, подставил конченого шизофреника, который двух слов связать не может. А Смотрящего? Кто его сыграл?

Майор вытер пену с губ и беззаботно отмахнулся.

– Словил автостопщика на трассе, путешественника. В этих местах его никто не знал, он сам с юга откуда то. Заплатил денег, чтоб он сыграл убитого горем мужа. Повезло, что он раньше в театре юного зрителя выступал. Шикарно у него получилось одурачить своим актёрством кучу полицейских и врачей.

– И где он сейчас?

– На дне озера, где же ещё.

Мужчина развеселился ещё больше.

– Ещё один маньяк, Ребров, и народ начнёт что-то подозревать. Как пить дать появится не в меру въедливый журналист, или любитель страшных тайн, или ещё какой любопытствующий мудака, который сопоставит события последнего десятилетия. И они начнут расспрашивать. Эти говноеды могут столько хлопот доставить, когда начинают копать.

– Ещё один. – Неумолимо произнёс Ребров и, нахмурившись, заглянул собеседнику прямо в разноцветные глаза. – Один и последний в этих угожьях. Потом сменю место охоты.

Кучерявый мужчина обречённо вздохнул и покорно покивал головой.

– Время Жатвы ещё не закончилось, – словно бы оправдываясь, сказал майор. – Сам знаешь. А мне перед Уходом надо хорошенько пополнить запасы.

– Придумал уже «фишку» очередного серийного маньяка?

Ребров на это мечтательно улыбнулся.

– А как же.